

pocket**book**

роскет**book**

Агата КРИСТИ

Загадочное
происшествие
в Стайлзе



Москва
2020

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
К82

Agatha Christie
THE MYSTERIOUS AFFAIR AT STYLES
© 1920 Agatha Christie Limited.
All rights reserved
AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie
Signature are registered trademarks of
Agatha Christie Limited in the UK and elsewhere.
All rights reserved.

<http://www.agathachristie.com>

Кристи, Агата.
К82 Загадочное происшествие в Стайлзе / Агата Кристи ; [перевод с английского М. Ю. Юркан]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.
ISBN 978-5-04-111018-5

«Загадочное происшествие в Стайлзе» – это самый первый роман Агаты Кристи. В этой книге, вышедшей в 1920 году, читатель в первый раз встречается с самым знаменитым сыщиком XX столетия – усатым бельгийцем Эркюлем Пуаро, а также с его другом и помощником Гастингсом. Именно здесь Пуаро впервые предоставлена возможность продемонстрировать свои дедуктивные способности и раскрыть загадочное преступление (отравление миссис Инглторп, хозяйки поместья Стайлз), опираясь на всем известные факты.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-111018-5

© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Глава 1

НА ОТДЫХ В СТАЙЛЗ

Значительный интерес светского общества к преступлению в Стайлзе уже начал спадать. Тем не менее, учитывая сопутствующую ему дурную славу, мой друг Пуаро и родственники жертвы коварного убийства попросили меня правдиво описать все подробности нашей истории. Таким путем мы надеемся остановить упорное порождение разнообразных скандальных слухов.

Для начала я решил коротко изложить обстоятельства, приведшие к моему участию в расследовании этого дела.

После ранения на фронте меня демобилизовали из действующей армии; проведя несколько месяцев в весьма унылой обстановке санатория, я получил еще месяц отпуска для восстановления сил. Не имея в ближайшей округе ни родственников, ни друзей, я как раз раздумывал, куда бы мне отправиться, когда вдруг случайно встретил Джона Кавендиша. Последние годы мы с ним редко виделись. Да, в общем-то, никогда особо тесно и не общались. Во-первых, он стар-

ше меня лет на пятнадцать, хотя надо признать, что выглядит гораздо моложе своих сорока пяти лет. В детстве, однако, мне частенько доводилось гостить в Стайлз-корт, эссекском имении его матушки.

Мы славно поболтали о старых временах, и в результате он пригласил меня провести отпуск в Стайлзе.

— Да и матушка будет рада видеть вас вновь... после стольких лет, — добавил он.

— Надеюсь, она в добром здравии? — спросил я.

— О да. Полагаю, вам известно, что она вновь вышла замуж?

Боюсь, что на лице моем весьма явно отразилось удивление. Насколько я помнил, миссис Кавендиш, красивая женщина средних лет, вышла замуж за отца Джона, когда он остался вдовцом с двумя сыновьями на руках. Сейчас ей, должно быть, никак не меньше семидесяти. Она запомнилась мне как эмоциональная, властная особа, склонная к благотворительности и стремящаяся добиться признания своих заслуг в обществе, принадлежащая к той категории светских дам, которые обожают открывать благотворительные базары и выступать в роли леди Баунтифул¹. Впрочем,

¹ Благотетельница, или патронесса, по имени героини известной пьесы «Уловка кавалеров» ирландского драматурга Дж. Фаркера (1678–1707).

унаследовав значительное состояние, она действительно щедро делилась им с нуждающимися.

Загородную усадьбу Стайлз-корт мистер Кавендиш приобрел вскоре после их женитьбы. В семье безоговорочно господствовала жена, и естественно, что, умирая, муж завещал ей в пожизненное владение и саму усадьбу, и бóльшую часть своих доходов; такое волеизъявление бесспорно ущемляло права двух его сыновей. Однако приемная мать относилась к ним с сердечной добротой; более того, они всегда считали ее своей родной матерью, поскольку были еще очень юными, когда их отцу пришлось жениться во второй раз.

Лоуренс, младший из братьев, с детства отличался слабым здоровьем. Но он получил профессию врача, хотя недавно забросил медицинскую практику и теперь жил дома, пестуя свои литературные амбиции; впрочем, его поэтические творения никто — по крайней мере, пока — не называл бы выдающимися.

Джон поначалу занимался адвокатской практикой, но с годами, ощутив склонность к спокойной жизни сельского сквайра, предпочел тоже обосноваться в поместье. Два года назад он женился и привез в Стайлз свою жену, хотя я быстро заподозрил, что, по всей вероятности, он предпочел бы обзавестись собственным семейным гнездышком, если бы матушка увеличила ему денежное содержание. Миссис Кавендиш, однако, любила стро-

ить свои собственные планы, а в данном случае, учитывая ее финансовые ресурсы, могла рассчитывать на понимание и согласие окружающих.

Заметив мое удивление сообщением об очередном замужестве его матушки, Джон уныло усмехнулся.

— К тому же за препротивного мелкого проходимца, — гневно воскликнул он. — Уверяю вас, Гастингс, он умудрился чертовски осложнить нашу жизнь. А уж если говорить про Эви... вы помните Эви?

— Нет.

— Гм, тогда, наверное, она появилась в нашем доме немного позже. Эви числится компаньонкой матушки, а по сути — ее служанка, в общем, мастерица на все руки! Да, наша Эви на редкость приятная особа. Она не так уж молода и красива, но по части хозяйства выигрывает у десятка красоток.

— Но вы хотели рассказать о...

— О, да, о том гнусном типе! Так вот, однажды он заявился к нам в дом, под предлогом какого-то родства с Эви, — видимо, он приходится ей каким-то четвероюродным кузеном, хотя ей явно не хотелось подтверждать их родственную связь. Любому ясно, что такому родственничку никто не обрадуется. Отрастил косматую черную бороду и в любую погоду постоянно щеголяет в лакированных штиблетах! Но матушка с ходу поладила с ним, взяла его на место секретаря... вы же знаете,

что она вечно подвигается в множестве благотворительных организаций.

Я кивнул.

— Благодаря войне, разумеется, их количество возросло десятикратно. И этот тип, несомненно, стал для нее отличным помощником. Но вы можете представить, насколько мы опешили, когда три месяца назад она вдруг объявила, что они с Альфредом обручились! Ведь этот пройдоха по меньшей мере лет на двадцать моложе ее! Попросту наглый охотник за наследством; но что уж тут поделаешь, она — сама себе хозяйка, и вот, извольте, уже вышла за него замуж...

— Да, действительно, вы все оказались в довольно трудной ситуации.

— Довольно трудной? Да она чертовски трудна и отвратительна!..

Короче говоря, через три дня после этого нашего разговора я сошел с поезда на остановке Стайлз-Сент-Мэри, маленькой станции, нелепо торчавшей посреди зеленеющих полей и узких проселочных дорог и не имевшей никаких очевидных причин для своего существования. Джон Кавендиш встретил меня на платформе, и мы направились к его автомобилю.

— Понимаете, удалось раздобыть немного бензина, — заметил он. — В основном благодаря стараниям матушки.

Сама деревня Стайлз-Сент-Мэри находилась в двух милях от этой нелепой станции, а с дру-

гой стороны от нее на расстоянии мили раскинулось поместье Стайлз-корт. Уже начался июль, и денек выдался безветренный и теплый. Вокруг расстилались равнинные земли Эссекса, и, глядя на эти мирно зеленеющие под послеполуденным солнцем поля, с трудом верилось в то, что где-то неподалеку могут вестись какие-то кошмарные военные действия. Мне вдруг почудилось, будто я случайно попал в совершенно иной мир. Когда мы свернули к воротам усадьбы, Джон сказал:

— Боюсь, Гастингс, вы сочтете, что мы тут живем слишком тихо.

— Ах, дорогой мой, это же как раз то, что мне сейчас нужно.

— Ну да, у нас довольно мило, если вам хочется отдохнуть в тиши. Дважды в неделю я обучаю волонтеров и помогаю на окрестных фермах. Моя жена постоянно занята сельским хозяйством. Ежедневно она поднимается в пять утра, чтобы подоить скотину, и трудится, не разгибая спины, до самого завтрака. Как ни крути, жизнь у нас просто великолепна... если бы только в нее не вмешался этот проходимец, Альфред Инглторп! — Внезапно он остановил машину и глянул на часы. — Я подумал, не успеем ли мы заехать за Синтией. Нет, сейчас она уже, наверное, ушла из госпиталя.

— Синтия? Разве вашу жену так зовут?

— Нет, Синтия — протеже матушки, дочь одной из ее школьных подруг, которая вышла замуж

на жуликоватого стряпчего. Он потерпел полный крах, и эта девушка, осиротев, осталась без гроша в кармане. Моя матушка пришла на выручку, и вот уже почти два года Синтия живет у нас. Она трудится в тэдминстерском госпитале Красного Креста, в семи милях отсюда.

Замолчав, он остановился перед прекрасным старинным особняком. Заметив наше приближение, дама в плотной твидовой юбке, склонившаяся над цветочной клумбой, сразу выпрямилась.

— Привет, Эви, вот привез нашего раненого героя! Мистер Гастингс... Мисс Говард.

Изрядно крепкое рукопожатие мисс Говард вызвало у меня болезненное ощущение. Я сразу заметил интересное сочетание ярко-синих глаз и загорелого лица. На вид этой миловидной особе можно было дать около сорока лет, она говорила низким грудным голосом, на громких тонах звучавшим почти по-мужски, обладала крупной фигурой с хорошими формами и была обута в добротные толстые башмаки. Ее отрывистая манера разговора, как я вскоре обнаружил, напоминала телеграфный стиль.

— Сорняки разрастаются, точно пожар в доме. Никак за ними не уследишь. Просто окружают, наступая со всех сторон. Берегитесь.

— Безусловно, я готов с радостью оказать сильную помощь, — откликнулся я.

— Не говорите. Ничего не обещайте. Потом трудно будет отказаться.

— Как вы скептически настроены, Эви, — расмеявшись, заметил Джон. — Кстати, где мы нынче пьем чай — в столовой или на воздухе?

— На воздухе. Грех в такой чудный денек торчать в доме.

— Тогда пошли отдыхать, вы уже достаточно потрудились в саду сегодня. Ибо, как мудро сказано, «трудящийся достоин награды за труды свои»¹. Пора освежиться и подкрепить силы.

— Что ж, — сказала мисс Говард, стягивая садовые перчатки, — я склонна согласиться с вами.

Мы направились вслед за ней вокруг дома к чайному столу, накрытому в тени большого платана.

С одного из плетеных кресел поднялась женщина и сделала несколько шагов нам навстречу.

— Познакомьтесь с моей женой, Гастингс, — сказал Джон.

Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня Мэри Кавендиш. Ее высокая стройная фигура четко вырисовывалась на фоне яркого солнца; явное ощущение скрытого огня, казалось, проявлялось лишь в ее удивительных искристых карих глазах — таких потрясающих глаз я еще не видел ни у одной женщины; при всей глубинной силе присущего ей спокойствия, создавалось впечатление, что в этом утонченном и изысканном теле скрывается дикий и необу-

¹ Лк. 10:7.

зданный дух — вся ее поразительная натура навеки запечатлелась в моей памяти. Незабываемое впечатление.

Она приветствовала меня тихим ясным голосом, вежливо выразив радость по поводу нашего знакомства, и я опустился в плетеное кресло, испытывая искреннее удовольствие от того, что принял приглашение Джона. Миссис Кавендиш передала мне чашку чая и, сделав несколько спокойных замечаний, укрепила меня в первом впечатлении и окончательно убедила в своем неотразимом женском очаровании. Восприимчивый слушатель всегда побуждает к разговору, и я, с юмором описывая некоторые случаи из моей санаторной жизни, льстил себя надеждой, что мне удалось позабавить супругу Джона. Сам он, разумеется, славный малый, но его едва ли можно назвать интересным собеседником.

Мы сидели совсем рядом с верандой, и вскоре из открытых балконных дверей донесся отлично знакомый мне голос:

— Итак, Альфред, после чая вы напишите письмо принцессе? А насчет второго дня я сама напишу леди Тэдминстер. Или нам лучше дожидаться ответа княгини? Если она откажется, то леди Тэдминстер может помочь с открытием в первый день, а миссис Кросби — во второй. К тому же есть еще герцогиня... она известит ее о школьном празднике.

Послышалось невнятное бурчание мужского голоса, и вновь громкий ответ миссис Инглторп:

— Да, разумеется. Мы вполне успеем разобраться с письмами после чая. Как же вы заботливы, мой милый Альфред...

Балконная дверь открылась пошире, и на лужайку спустилась красивая, убеленная сединой пожилая дама с властным выражением лица. Следовавший за ней мужчина являл собой воплощенное почтение.

Миссис Инглторп бурно приветствовала меня.

— Боже, мистер Гастингс, где вы пропадали все эти годы, неужели мы наконец удостоились счастья видеть вас? Позвольте познакомиться с вами, мистер Гастингс... мой супруг, дорогой Альфред.

Со сдержанным любопытством я пригляделся к «дорогому Альфреду». Облик новоявленного супруга действительно поражал своеобычными и странными чертами. И неудивительно, что Джон неодобрительно отозвался о его бороде. Мне еще не приходилось видеть столь большой, черной как смоль бороды. На носу его крайне невозмутимого лица поблескивало пенсне в золотой оправе. Мне вдруг пришло в голову, что он мог бы прекрасно смотреться на сцене, но в реальной жизни выглядел на редкость неуместным. Его низкий голос звучал с неприятной вкрадчивостью.

— Рад знакомству, мистер Гастингс, — сказал он, вложив в мою руку свою вялую, словно

безжизненную длань, и добавил, обращаясь к супруге:

— Эмили, дорогуша, по-моему, эта подушка немного отсырела.

С сияющей любовью улыбкой она взирала на мужа, пока тот менял подушку на кресле, всем своим видом изображая нежнейшую заботу. Странное проявление пылкой любви для здравомыслящей во всех прочих отношениях женщины!

С приходом мистера Инглторпа за столом содалась атмосфера скованности и завуалированной недоброжелательности. А мисс Говард, в частности, даже не пыталась скрывать враждебности. Миссис Инглторп, однако, казалось, не заметила ничего необычного. Ее словоохотливость, запомнившаяся мне по прежним встречам, ничуть не убавилась за разделившие нас годы, и она пустилась в свободное плавание; поток ее слов приобщал нас к ее полной заботами жизни, в основном связанной с предстоящим в скором времени благотворительным базаром, организацией коего она и занималась. Изредка миссис Инглторп уточняла конкретные дни или даты у своего мужа. Его настороженные и предупредительные манеры оставались неизменными. С первого же взгляда я проникся к нему стойкой и глубокой неприязнью, и мне лестно сознавать, что мое первое суждение, как обычно, оказалось исключительно проницательным.